

Н. А. Гайдук

Науч. рук. – Е. А. Кастрица, канд. филол. наук, доцент

ОБРАЗ «ПАДШЕЙ ЖЕНЩИНЫ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается образ «падшей женщины» в русской литературе XIX века. Автор обращает внимание на особенности «канона» описания «падшей женщины» (чувственная речь-проповедь героя-спасителя, психологический катарсис грешницы, её исповедь, «отпущение грехов» «спасителем», ментальное и физическое «очищение», возвращение к героине чувства стыда и т. д.), рассуждает об актуализации дискурса лжи в контексте фигуры спасителя падшей женщины, о мотиве спасения.

В XIX веке общественная жизнь в России стала существенно изменяться, привычные устои начали разрушаться, что повлекло за собой представление на суд публике прежде скрытых тем. К одной из таких можно отнести вопрос женской эмансипации, который, в свою очередь, повлек и раскрытие образа «падшей женщины», или женщины проституированной.

Занимаясь изучением темы проституции в литературном творчестве авторов XIX века и в искусстве вообще, нельзя не упомянуть события, произошедшие в истории государства. Так, в 1843 году императором Николаем I, ввиду отсутствия результативности карательных мер и увеличения роста заболеваний, были легализованы публичные дома и введён ряд правил для их контроля. У женщин впервые появились те самые «жёлтые билеты», о которых мы услышим в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского из уст Семёна Мармеладова: «Когда единокровная дочь моя в первый раз по жёлтому билету пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя по жёлтому билету живет-с...)» [1, с. 10]; заведения стали посещать доктора для проведения регулярных осмотров, а литературным деятелям больше не приходилось использовать приём недосказанности и многочисленные описательные конструкции с целью удовлетворения цензуры.

В XIX в. начала формироваться особая традиция в изображении падшей женщины: русские писатели представили читателю девушку, торгующую собой, в свете т. н. «униженных и оскорбленных».

Одним из первых авторов XIX века, затронувшим изучаемую нами тему, стал Н. В. Гоголь, который в своей повести «Невский проспект», написанной в цикле Петербургских повестей в 1833-1834 годах, вывел образ публичного дома в целом и образ женщины, занимающейся проституцией, в отдельности. Гоголь пишет: *«Голые стены и окна без занавес не показывали никакого присутствия заботливой хозяйки; изношенные лица этих жалких созданий... всё это уверило его, что он зашел в тот отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат... Тот приют, где человек святоотчественно подавил и посмеялся над всем чистым и святым... где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то странное, двусмысленное существо, где она вместе с чистотой души лишилась всего женского и отвратительно присвоила себе хватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем прекрасным и так отличным от нас существом»* [2, с. 25].

Архетип «падшей женщины» наиболее подробное и активное развитие получил уже во второй половине XIX века. Так, например, описание подобных героинь и их быта мы встречаем в произведениях А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого, В. М. Гаршина. Стоит отметить, что большинство авторов настолько увлеклись идеей спасения падшей женщины и несправедливостью общества, что их творчество, как правило, пронизывали утопические установки. А вот объективный взгляд на проблему и познание жизни наступил уже позднее, в творчестве таких писателей, как А. И. Куприн, М. Горький и др., под воздействием общественного движения и развития гражданского общества. Большая часть художественной литературы второй половины XIX в. представляет проституцию именно как негативное последствие и проявление общественного строя и экономического развития. И литераторы в свою очередь, благодаря тонкому восприятию и художественному изложению феномена проституции, способствовали в своих произведениях глубокому постижению жизни не только отдельных людей, но и общества в целом. Например, своё отношение к разнице в общественном восприятии женщин из высшего света и проституток Л. Н. Толстой выразил словами своего героя из «Крейцеровой сонаты»: *«Взглянуть на жизнь наших высших классов как она есть, со всем ее бесстыдством, ведь это один сплошной дом терпи-*

мости... Но посмотрите на тех, на несчастных презираемых, и на самых высших светских барынь... Как те заманивают всеми средствами, так и эти. Никакой разницы... надо только сказать, что проститутки на короткие сроки – обыкновенно презираемы, проститутки на долгие – уважаемы». [3, с. 263]. Таким выводом писатель представил обобщённое восприятие всего российского общества.

Отдельно стоит отметить, что в русской литературе XIX в. образ проституированной женщины чаще всего сопровождается мотивом её спасения, своего рода возрождения. Героиня такого типа не в силах не только без посторонней помощи вернуться к благочестивой жизни, подняться из пучины безнравственности, но и осознать всю глубину своего падения такая женщина не способна. Потому в произведениях вводится герой, который стремится к спасению падшей, а в качестве метода освобождения чаще всего выбирается брак как наиболее простой и быстрый способ выхода в свет и в порядочные женщины. Яркое проявление позиции веры в возрождение проституированной женщины в следующей фразе одной из безымянных героинь романа Н. Г. Чернышевского, восстановившейся в обществе: «А моя жизнь? – грязь, в которой я выросла, ведь тоже была дурна; однако же не пристала ко мне, и остаются же чисты от неё тысячи женщин, выросших в семействах не лучше моего. Что ж особенного, если из этого унижения так же могут выходить неиспорченными те, которым поможет счастливый случай избавиться от него?» [4, с. 258]/

«Канон» описания «падшей женщины» складывается в 1830-1860-х гг. («Невский проспект» Н. В. Гоголя, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Когда из мрака заблужденья» Н. А. Некрасова и т. д.) в виде совокупности стереотипных поступков героев: чувственная речь-проповедь героя-спасителя, психологический катарсис грешницы, её исповедь, «отпущение грехов» «спасителем», ментальное и физическое «очищение», возвращение к героине чувства стыда и т. д., - которые затем в роли сюжетобразующей парадигмы можно найти в произведениях других авторов. Подобную ситуацию мы обнаруживаем в описании Настасьи Крюковой, спасённой Александром Кирсановым в романе «Что делать?».

Начиная с 1860-х гг. принимается во внимание очевидный факт, что русская утопия о возрождении падшей потерпела крах. В качестве показательного примера выступает ситуация, что в подавляющем большинстве случаев цепочка «падение – страдание – раскаяние – искупление – спасение» [5, с. 9] оказывается чисто умозри-

тельной схемой, некой желанной «правдой», опровергаемой реальностью, так как непременным условием спасения грешницы выступает обязательное проявление хотя бы искусственной чистоты. По этой причине становится актуальным дискурс лжи: образ «спасителя» превращается в лже-спасителя, правдивая история грешницы оборачивается ложной исповедью (целенаправленным скрыванием «правды»). Также через разрушение проходит первоначальная схема: «раскаяние» преобразуется в «злость» и «гордость», «искупление» иногда отвергается совсем, становится более весомой правда «падшей». Рассмотреть данную ситуацию можно на примере следующих героинь: безымянная «немолодая брюнетка», состоявшая в диалоге с Васильевым в рассказе А. П. Чехова «Припадок»; Лиза, ставшая жертвой лже-спасителя в лице героя «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского; Надежда Николаевна под рабочим псевдонимом «Евгения», которая не смогла принять чувства Ивана Ивановича, что породило трагичный конец рассказа «Происшествие» В. М. Гаршина.

Таким образом, отражение в литературе дискурса падших женщин стало составной частью развития реализма через раскрытие, с одной стороны, так называемого социального дна и одновременно физиологической природы человека, а с другой, основ буржуазной экономики. В русской литературе образ падшей женщины – это не только образ грешницы, но и, прежде всего, мученицы, страдальцы, которой предстоит пройти путь от греха к возрождению.

Список литературы

- 1 Достоевский, Ф. Собр. соч. : в 15 т. / Ф. Достоевский. – Т. 5. – Л. : Наука, 1989. – 349 с.
- 2 Гоголь, Н. Невский проспект / Н. Гоголь // Петербургские повести. – М. : АСТ, 2017. – С. 9–60.
- 3 Толстой, Л. Крейцера соната / Л. Толстой // Крейцера соната : избранные произведения. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – С. 242–358.
- 4 Чернышевский, Н. Что делать? / Н. Чернышевский. – СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. – 576 с.
- 5 Мельникова, Н. Н. Архетип грешницы в русской литературе конца XIX начала XX века : автореф. дис... к.ф.н. : 24.11.11 / Н. Н. Мельникова ; МГУ им. Ломоносова. – М., 2011. – 33 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ